

18+

Вадим Никифоров

Элизабет

Вадим Никифоров

Элизабет

<https://litres.ru/74302192>

ISBN 9785007085403

Аннотация

Элизабет восемнадцать, но она просыпается в теле восьмилетней девочки, вооруженная горьким знанием о грядущих потерях. Можно ли переписать историю, спасти тех, кто обречен, и не сойти с ума от груза внезапного всемогущества? Наши фантазии — не просто тени, а ответственность перед Богом, и за каждую попытку исправить прошлое приходится платить настоящей болью здесь и сейчас.

Книга содержит нецензурную брань.

Элизабет

Вадим Никифоров

© Вадим Никифоров, 2026

ISBN 978-5-0070-8540-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Если закрою глаза — это исчезнет. Совсем. Закрыла глаза.

Тишина. Все исчезло?

— Совсем обалдела?! Не видишь, я еду?!

Я же закрыла глаза, почему этот гад не исчез?

— Вон с дороги!

— Пошел ты...

Пошла за молоком. Шла же. Сейчас я по-быстрому за молоком, а потом расскажу про Антрим.

— Тетя Марта, привет. Я за молоком.

— Деньги вперед.

— Тетя Марта!..

— Ничего я не знаю, деньги вперед.

Вот так тетя. Антрим был основан...

— А где молоко?

— Там деньги вперед.

— Нам же кормить...

— Тебе же кормить. Это твой сын, не мой!

— Дай бидончик!

— Да на!..

Что-то я увлеклась и не представилась. Я Элизабет, Бети, «сестренка того дурака», «недотрога», еще как наверно зовут за глаза, я не знаю. Этого хватит. Брайан — мой брат. У него есть ребенок. Он ездил в Дублин, влюбился и переспал, а через одиннадцать месяцев — на, в корзинке с запиской: «ОН ТВОЙ».

— Мальчик, два месяца, похож на тебя, — сказал тогда тетя Марта и приговорила меня к материнству. Из Брайана что за отец? Только истерики: «Он же умрет, смотри, как он дышит!»

Ребенок растет. Ему скоро два. Мне надоело, мне восемнадцать, а у меня только этот ребенок и брат-истеричка. А я бы хотела...

— Би-би! Не лезь под колеса!

Это Стивен Мак Кулски. Сын мэра Мак Кулски. Купили ему автомобиль, а ездить-то некуда. Вот и лезет под ноги.

— Лиззи, признайся, я тебе нравлюсь?

Это Колин, сын тети Марты, известный пропойца, как Лазарь из кабака, прячет под козырек из ладони свои мутные глазки и говорит перегаром:

— Признайся?

Что я забыла здесь?

Город Антрим расположен в долине, с одной стороны горы больше, за ними предлагается юг и свободные штаты, с другой стороны горы ниже, на них чахлый лес и дорога, которая смотрит в Антрим свысока, потому что она едет в Дублин из Белфаста, а Антрим на обочине. Чтобы куда-то поехать, надо подняться на гору тропинкой сквозь жиденький лес, встать у флажка остановки и ждать автобуса. Час, может, два, может день, неизвестно. Все, кто ушли по тропинке, не вернулись. Даже мой брат. Уехал один человек, а вернулся другой.

— Это возраст такой, — тетя Марта сказала: — Парни бесятся.

Я бы тоже уехала. Но пока я не знаю куда. Пока я хочу убежать из Антрима, а я бы хотела куда-то уехать и забыть этот город.

И вот я на плоскости площади, точка мой брат выходит от тетки без молока, точка — сын мэра сидит, развалившись в автомобиле, и смотрит мне в спину, а точка сын Марты качается, смотрит примерно на солнце и на меня и выбирает кому повторить: Ну, признайся.

Я закрою глаза, и все пропадет. Насовсем.

— Лиззи, Лиззи, очнись. Ну пожалуйста...

Я на диване, укрыта одеялом. В ногах дремлет кошка. В

окно лезет липа. Пахнет сиренью. Весна?

Ореол из волос, голубые глаза, радостный возглас:

— Очнулась! Брайан, воды принеси, Лиззи очнулась!

Весна пахнет мамой, сиренью и Брайаном с кружкой воды.

Какой же он маленький.

— Брайан...

— Лежи. Нет, приподнимись, я тебя напою.

— Мам, че ты ее...

— Брайан, не подходи. Испанка заразна!

— Ну тогда я пойду погулять?

— Да, иди. Как ты, Лиззи?

Не вижу. Из отдельных деталей не возникает лицо.

— Ты моя мама?

— Это нормально после испанки. Тебе надо пить. Вот, попей...

Через день, на крыльце, опираясь на столбик навеса, стою. Мир качается. В нем за оградой стоят тетя Марта с подростком, Генри Мак Кулски с ребенком, какие-то люди с детьми и мой брат. Ему десять на вид.

— Вот дети, смотрите, что бывает после испанки. Хотите болеть?

— Не хотим, — вразнобой.

Мама в белом халате и шапочке. Она доктор, я вспомнила.

— Дети, гигиена очень важна...

Подросток у тети Марты скучает, не слушает. Тетя Марта

дает подзатыльник:

— Послушай гиену!

Все смеются.

— Это совсем несмешно. Вы посмотрите!

Рядом с крыльцом бочка с водой. В ней отражение девочки с ежиком вместо волос и с большими ушами.

Худая, с большими ушами, синяки под глазами и сердце колотится. Кто я?

А в зеркале Лиззи Монтгомери, начальная школьница после испанки:

— Мне восемь, привет.

Как же так? У меня уже были эти женские дни, меня лапал сын мэра за школой, а брат нагулял себе сына. И мне восемь лет?

— Че, пошли погуляем?

Когда это было, чтоб Брайан со мною гулял? Он же брат мой. Не кавалер.

— Мне мама сказала, не то не пустит на речку.

Да, у нас же река. Как же я пропустила. Хотя немудрено, там такая река, вброд по пояс, а в ширину, возле запруды едва сотня ярдов. Плотина при мельнице, на мельнице раньше мололи зерно, а теперь собираются школьники пить. Или не собираются?

— Может, на мельницу?

— Это зачем? Там же мельник.

Значит, не собираются. Что ж, посмотрим Антрим светлого прошлого. Я же ребенком была, что я помню.

— А кстати, какой сейчас год?

— Вот ты странная, Лиззи. Это испанкой тебя?

— Откуда я знаю. Мама же врач.

Прогулялись. Брайан смотрел недоверчиво на мой туристический путь, но сопровождал. В кабаке пили чай, говорили о планах хозяина скоро женится на дублинской женщине. В церкви застали отца Макинтайра у зеркала, у него на спине что-то чешется, и не понять, что за штука. Брайан ему почесал, пока я отвернулась. В мэрии видели сцену: Генри Мак Кулски и какой-то в военной одежде ругались. В военной одежде кричал:

— Ты предал Ирландию!

А Генри ему отвечал:

— Сам ты предал!

— Не брат ты мне, чертов юнионист!

— Ты еще пожалеешь, что это сказал!

Мы с раскрытыми ртами в дверях. Мы же до этого в мэрии не были, а тут сразу такое. Так интересно.

— Чего вы уставились? Вон! Лиззи, стой, на конфету. Как испанка твоя?

— Да нормально...

Конфету делили в полицейском участке. Брайан сказал:

«Пошли, там нам ножик дадут».

Ножик не дали, сказали: оружие детям нельзя. Разделили напополам.

Их двое, нас двое. Один — муж тети Марты, второй сын кабатчика.

— Ну, — говорят: — Это мне, а это тебе! — и смеются.

— Нечестно!

— А вот, произвол полицейский, слыхали?

— Нечестно!

— Да ладно, держите, мы пошутили.

Пошли к тете Марте.

— Телку купила. Это ты помнишь?

— Не помню.

— Пошли, покажу.

Телка пегая, тетя Марта с ведром, кормит телочку и учит подростка, которому скучно:

— Вот, посмотри, надо так.

— Мам, отстань...

— Я отстану тебе! Я как врежу, а вечером папка придет и добавит!

— Он мне не папка!

— А чего он не папка?

— Ты и это забыла? Так батя у Колина пьяный сгорел. В позапрошлом году? Ну, на мельнице?

— Нет, не помню.

— Так мы же нашли? Ты еще испугалась?

— Нет, не помню...

А я — это я? Что-то я много не помню.

Мама сказала, что мы молодцы.

— Вы же брат и сестра, вот и дружите.

— А можно на речку теперь?

— Может, сестренку возьмешь?

— Мама!

— Ладно, беги. Но чтоб не поздно!.. Ну доча, давай-ка пить чай...

А я доча? Какая же мама красивая. Я и забыла.

— Мама, — коснулась руки.

— Что, малышка?

Ох, Лиззи, как ты много забыла. Волна накатила, и вот я реву у мамы в объятиях, пахнет родным. Я ни за что не открою глаза.

— Как я провел это лето... Пиши: научился курить...

— Лето-та — день.

На календаре, правда, первое. Эти три месяца будут самыми лучшими.

— Ну и что июнь. Надо планировать.

— Я не хочу!

— Так, с новой строки...

— Что писать-то?

— Пиши...

Патрик, младший почтмейстера, не утонет в шестого июня. Мы украдем у почтмейстера его сигареты и свалим на младшего. Его выпорют и дома запрут, и он не утонет.

— Пиши, научился курить.

— Я не умею!

— Научишься.

— Пат, выходи!

— Че?

— Ни че, выходи, дело есть.

В детстве боялась, что ночью по городу шляются призраки, а теперь не боюсь. Был, есть и будет провинцией, где даже паб закрывается в десять...

— Чего?

Брайан боится, ребенок.

— Да не ори ты, слышат!

— Чего? — громким шепотом.

— Завтра на речку пойдешь?

— Ну не знаю. А что?

— Да пошли.

Я тем временем лезу в окно, через которое выбрался Пат, и скриплю половицами. Скрип — спальня Пата, скрип-

скрип — коридор, хыр-хыр-хыр — это почтмейстер храпит на диване, жена прогнала из-за храпа, а это жена его, миссис Ковальски. Плохо помню ее. Она утолилась в реке после Пата. Сначала записку нашли: «отправляюсь за сыном», а тело — через неделю. Мама врач, мама сказала туда не ходить, а сама-то пошла!

— Обезображена, — только сказала, вернувшись, и рухнула спать.

Вот она, миссис Ковальски. Красивая. Не обезображена. Хрупкая, тихая женщина. Как из нее вылез Пат? Вот сигареты. Почтмейстер бросает, и супруга дает по одной, чтоб постепенно. Откуда я знаю? Почтмейстер мне сам рассказал в прошлом году, когда отмечали мое семнадцатилетие в пабе. Напился и лез с откровенностью. Семнадцатилетие. Брр.

— Сигареты нашла?

— На.

— А мне-то зачем?

— Тебе же учиться курить.

— Пат сказал, что купаться пойдет. Дело сделано.

Новью все серое. Горы, река, мысли, платье. Зудят комары и кусают колени. Брайан дома уснул, а я не могу. Я у реки, на месте, где Пата нашли. В момент поседевший почтмейстер взял сына на руки и к дому пошел. Это надо по полю, потом огородами, узкой окраинной улицей, площадью,

около паба. Там супруга моет посуду, отличный денек, шестое июня, и ничего ей предвещает, а тут:

— Дорогая, наш сын...

Так не будет. Шестое уже. Нам всем пережить это день без потерь, да же, Господи?

Сильная вера в Него. Он так устроил, что я закрываю глаза и могу изменить чье-то прошлое. Он мне дал всемогущество, в моей голове.

А в голове ли? Страшно очнуться в триангуляции трех пар бессмысленных глаз, но гораздо страшнее осознавать, что это мираж, а реальность ужасней.

— Здесь и сейчас. Здесь и сейчас.

Ущипнула себя. Больно. Мне все еще восемь. Ударила в глаз. Искры. Все еще. Вот сигареты, Брайан так и не взял. Закурила. Ну и гадость же. Все еще восемь. Ну, Бог, ты придумал ответственность.

— А как ты хотела?

Уснула под утро и проспала. Мама ушла на работу, Брайан возится с кошкой, как будто совсем не шестое июня, а просто день.

— Эй, где Пат?

— А откуда я знаю? Я что ему, сторож?

Вот так начались все убийства. Не когда поднял камень и по голове, а когда согласился и принял: да, убил, ну и что, я-то жив.

Ты — пока. Все — пока.

— Побежали!

— Куда! Ты в исподнем!

— И что?

А, не принято. Даже в моем всемогуществе надо следовать правилам. Что за игра?

— Побежали!

У Пата ревут. Миссис Ковальски: что воспитала ребенка курильщика. Пат от отцовской затрешины, почтмейстер хотел покурить, почтмейстер так ждал своей сигареты, а это паршивец украл и не сознается, а мы на пороге, невинные лица: Пат, купаться пойдешь? Миссис Ковальски, отпустите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.